

пьеса "Митинг", 2014 г.
Дресвянников Даниил Александрович
15.10.1988 г.р., Лен. обл., Лом. р-он, дер. Горбунки
в 2010 году закончил СПбГУКиТ(СПбГИКиТ), Кинодраматург
тел. +7 926 410 12 32
draere@yandex.ru
Почтовый адрес: Лен. обл., Лом. р-он, дер. Горбунки, 18-66, индекс 188502

Митинг
одноактная пьеса для камерной сцены

Герои:

Паша, 29 лет

Гена, 26 лет

Официантка, 21 год

Силуэт кафе.

Картинки столиков с посетителями.

Посреди сцены - круглый стол. Вокруг него - три стула. Позади на большом экране - центральная городская улица, вид из кафе с большим окном на первом этаже. Москва. Вечер.

Входят Гена и Паша.

Гена - современный полухипстер: джинсы в обтяжку, офисная цветочная рубашка, галстук, кардиган, перчатки на руках, курточка.

Паша - косит под пролетария: на подтяжках брюки обширного кроя, серая рубаха с коротким рукавом, лёгкое полупальто, вязанная шапочка, арафатка на шее.

Паша направляется к столу, плюхается на стул.

Гена снимает курточку, вешает на треногу у входа. Садится напротив Паши.

Гена: - У окна! Как на выставке.

Паша: - Не боишься, что слямзят?(кивает на куртку) Других местов не завезли. Не ной.

Голова хрустит, блин.

Гена: - Официант! Паш, ты что будешь?

Паша достаёт ноутбук из рюкзака, открывает, заглядывает в экран. Стягивает пальто, вешает на спинку.

Гена: - Паш!

Паша: - Да. Щас, погодь. А чего у них есть? Так, вай фай фри. Ну. Давай. Ловись. Оп-па.

Гена: Будешь, говорю, что? Или вай-фаем, как святой дух?

Паша: - Ну. Гы. Интернетом сыты. Виски.
Гена: - Висказ.
Паша: - Ты закажи там, как себе. Я те заторчу.
Гена: - И так. Уже. Со вчера. Короче, у меня двушка осталась.
Паша: - У меня нет. (рыскает по карманам) А, фу, вру, есть. Сотэн.
Гена: - Откуда?
Паша: - Да ты там, вчера, типа, чаевые оставил. Бармэ'ну.
Гена: - Я же ба'рмену. Ясно.
Паша: - Зато сѣдня при лавэ.
Гена: - (заглядывает в меню) Как раз на две.
Паша: - Гут. Щит, ну и вай-фай. Не ловит. А, не. Вооо. Ну еле-еле. Ты подумай.
Гена: - Официант! Паш. Отлепись от ноута.
Паша: - Щаз. А. Во. Да.
Гена: - Что - да?
Паша: - Кырэганда. Митинг. Мы на митинг пойдѣм?
Гена: - Официа-а-ант. Затрахала, курва.
Паша: - Не надо этих польских, у нас свои есть. Шлях!
Гена: - А ты этот. Свидомит. Этнический.
Паша: - Ну ага, ага, кляти москали.
Гена: - Твои там, между прочим, отскакались. Воюют теперь.
Паша: - Какие они мои? Тебя в детстве головой не роняли?
Гена: - Не важно. Короче, вовсю. Демократический процесс.
Паша: - И мы выступаем.
Гена: - Мы.
Паша: - Роман Замятина читал, курва?
Гена: - Не помню. В школе всякое проходили. Я листал. Иногда.
Паша: - Проходили. Листал он.
Гена: - Что, рекомендуешь? Официант! Да где же.
Паша: - Сушит? Скушай суши. О. Лозунг родился. В школе надо было читать. Интеллигент.
На улице морщил носы, не хочу ничего.
Гена: - От пролетария слышу. Сели и захотелось. Если хочешь знать, я Сорокина в школе читал.
Паша: - Питирима?
Гена: - Виктора. Идѣт. Наконец-то. Точно, приезжая. Долго так.
Паша: - Викто-о-ора. А! Про говно.
Гена: - Нет, не про говно. Голубое сало. Интересно. Девушка. Нам пива два. Ага, короны.
Официантка: - К пиву что желаете? У нас сейчас проходит акция...
Паша: - (перебивая) Фуагра есть? (Гене)Рассказ там, такой, как пионер вожатого взлюбил, говно там его жрал. Полный постмодернизм.
Официантка: - Фуагры нет.
Гена: - Это он шутит. Пива, да. И всё. (Паше) Не читал. Гадость какая. Точно тот Сорокин?
Паша: - (официантке) А фондю? (Гене) Он, он. Я запомнил.
Официантка: - Фондю тоже нету.
Паша: - Вечером что делаете?
Гена: - Прекрати. Девушка, он всё шутит. (Паше) Это что? Роман?
Паша: - Нет, рассказ. И вообще. Я знакомлюсь. (официантке)Девушка, пойдѣм вечером на митинг с нами.
Официантка: - Митинг вечером в меню тоже нету. Всё тогда, пиво только?

Гена: - Всё. Простите. (Паша) Ты, наверное, из рассказов один и выбрал.

Паша: - Какой попался. (официантке, декламирует) Нет! Не уходи, любовь! Постой секунду на пороге! И оглянись! И подними так мило бровь! Ах, разве это что-то стоит недотроге.

Официантка оглядывается, поднимает бровь.

Паша: - (скороговоркой) Мне просто в бутылке, стакан не нужно. И откройте при мне.

Гена: - А мне в стакан. И можно не при мне. (Паше) Вот, теперь точно плюнет.

Паша: - Ты-то здесь при чём?

Гена: - Что за стих, кстати? Не при чём, а всегда достаётся от выходок твоих.

Паша: - Неженка. Стих так, экспромт. Сорокин, короче. Говно твой Сорокин. Да весь постмодернизм - говно.

Гена: - Что ж тебе нравится? Только не говори - «Достоевский».

Паша: - Хорошо. Весь постмодернизм - говно, кроме Ерофеева.

Гена: - С чего бы? А Эдичка?

Паша: - Да не читал как-то. Достоевский, хоть и нудный, у него глубина есть А не кости глоданные.

Гена: - Нырятьщик. Как ты заговорил... И не несут теперь. Точно приезжая. Не глубина, а идея?

Паша: - Да какая разница?

Гена: - «Какая в попу разница, мальчик или девочка?»

Паша: - Это у вас там. Здесь такого нет.

Гена: - Здесь где?

Паша: - Здесь вот. Я объявляю сей стол безъядерной зоной. Понял короче.

Гена: - Чувствительный какой, здесь, у вас, там. А ещё я - неженка. Наконец-то!

Официантка возвращается с подносом. Кладёт картонные подстаканники, ставит стакан и бутылку.

Гена: - Девушка, а если не секрет — вы приезжая?

Официантка: - Москвичка.

Гена: - А станция метро?

Официантка: - Вам зачем?

Гена: - Конечная?

Официантка: - Да.

Паша: - Вы простите моего товарища. Он сам понаехавший и его вопрос этот мучит пуще энурэза...

Гена: - Что ты городишь?

Паша: - ...и диарэи.

Гена: - Хватит.

Паша: - Большой вопрос. Простите его.

Паша берёт девушку за руку, склоняет голову, потом отпускает.

Официантка вздёргивает плечами. Уходит.

Гена: - Долбоящер.

Паша: - Да лан тебе. (поднимает бутылку) Давай крякнем что ли!

Гена: - Хрюкнем.

Паша: - Проехали уже. Москали не скачут. За вчера давай с тобой. Все вечно за завтра, а мы за вчера. За естэдэй.

Чокаются.

Гена глотает пару раз пиво. Паша вливает в себя полбутылки.

Паша:(замечает телефонный номер на своём подстаканнике, себе) - Сказала, нет в меню «митинг вечером»... (Гене) Не дуйся. Хочешь, на вот тебе телефон её.

Гена: - Откуда?

Паша: - Принесла мне вот. Написала. За стихи, наверное.

Протягивает подстаканник Гене, тот отмахивается.

Гена: - Спасибо, обойдусь.

Паша: - Ты, кстати, ошибся.

Гена: - Насчёт долбоящера?

Паша: - Про «приезжая».

Гена: - Видели таких коренных. С конечных станций.

Паша: - Где ж тогда корень?

Гена: - В кольце. Здесь. А окраина. А что окраина?

Паша: - Там, между прочим, люди живут. Ловко ты. Поделил. Скажи ещё, за кольцом люди — тупее.

Гена: - Да СНГ там одно.

Паша: - На митинг пойдёшь? СНГ — тоже люди.

Гена: - Именно, что «тоже». И нечего на митингах делать. Спать, спать домой.

Паша: (углубляется в ноутбук) — Нехер спать. Спасай страну.

Гена: - Опять он полез. Убери. Ящик свой.

Паша: - Не планшет и уже не комильфо? Вай-фай поганый, конечно. Кстати, о стихах. Я тут у тебя видел. Новое. Ну ка! Во: переходил с Боровицкой на Библиотеку имени Ленина

Гена: (отбирает ноутбук) — Не так читаешь! (читает в ритме Маяковского):

Переходил с Боровицкой
На Библиотеку
имени
Ленина
И меня разметало по Станции...

Неужели хипстеры
Время от времени
Не спрашивают себя
Почему
Есть
Станция
И где Библиотека?
Представились дети
Поколения
Двадцать первого века

В штанах — прореха
В головах —
Веха!

Как тебе?

Паша:(забирает ноутбук обратно) - Ничё так. Маяковсковато. Тока про что — не понятно. И рифмы нет.

Гена: - Это верлибр.

Паша: Про что хоть? Хипстеры какие-то.

Гена: - Ты почитай, поймёшь.

Паша: - Я вообще стихи не люблю. Кроме Маяковского. Не понимаю я их.

Гена: - Мне Ахматова нравится.

Паша: - Бродский, например. Что пишет? В чём там дело? Но талантливо.

Гена: - Всё потому, что ты вечно с перепоя читаешь. Или пьяный.

Паша: - И? И? Вон, у Пушкина — ясно всё.

Гена: - А У Маяковского?

Паша: - Ритм нравится. Строка как лозунг. Сразу хочется на сцене в микроху зачесть. Ты тоже в его ритме.

Гена: - На митинге своём и зачти.

Паша: - Я не рвусь особо.

Гена: - Это тебе сказать нечего.

Паша: - Другие скажут.

Гена: - Вообще, странно, как я сижу с человеком, которому Ахматова не нравится.

Паша: - И пьёшь.

Гена: - Пью.

Паша: - Ну не понимаю я её. Тонкости всей этой.

Гена: - Развивайся, Пашенька.

Паша: - Дык тово. Поздно ужо. Выпьём давай лучше. За вчера.

Гена: - Только что пили.

Паша: - Тогда за вечер вчерашний. Чё хоть было?

Гена: - Рыгал ты в уборной.

Паша: - Знаешь, декабристы тоже пили.

Гена: - Они абсент пили.

Паша: - Где его возьмёшь? Чтоб с туйоном. Мы вискарёк.

Гена: - Не виски, это спирт крашенный. Ты заснул на унитазе и к тебе охранник ломился.

Паша: - А я ему — наблевал на ботинки! Точно! Помню!

Гена: - На ботинки это ты мне.

Паша: - Ну, извини. Не со зла.

Гена: - Новые купишь.

Паша: - Старые отмоешь. За новыми — к декабристам.

Гена: - Мы на бумстартере дадим объёву: революционеру тчк на ботинки вскл.

Краундфандинг.

Паша:(звук сообщения в телефоне) — Во, опять пишет. Нахера ты пишешь? (телефон звонит)

Звонит теперь. ТэПэ.

Гена: - Тебе надо жену декабриста. Чтобы по кабакам за тобой ездила.

Паша:(мечтательно) — Да. И на лицо чтоб можно. И пусть глотает... Зато ты всё rrrрэволюционерок цепляешь. По митингам.

Гена: - Порнухи обсмотрелся. Любитель с флагом постоять.

Паша: - Или ты rrrрэволюционеров цааааплять? Под радужным флагом? Нашёл.

Виды города за сценой сменяются на видео «я — революционерка» из youtube.(<http://www.youtube.com/watch?v=9eHK3hHFQMA>)

Гена: - Я видел.

Паша: - Смотри, смотри. Видел он.

Гена: - Видел если!

Паша: - Смотри. Вечно ты в перчатках. Ты летом их хоть снимаешь? Они проайфоненные?

Гена: - Руки мёрзнут. Сам-то в шапке. Айфон свистнули у меня.

Паша: - Отдай мне. Я вчера нашёл айфонь. Фу, четвёрка. Кому айфон?

Гена: - Ворюга.

Паша: - Ролик смотри. Весь вечер мне его дарил. Не надо, говорю, а он - держи! Ты как брат мне! Даже ближе! Не надо, говорю, ближе. Без этого, говорю.

Гена: - Вот чё ты мне показываешь? Тоже ТэПэ показываешь? Заманал уже.

Паша: - Это просто Пэ. Пэ из ПТУ.

Гена: Ты-то умный.

Паша: - Перчатки сними. Ты на митинге сверху наденешь?

Гена: - Ага, красные, в стразах, приготовил уже. Блевун. Пиво какое-то...

Паша: - Димедрольное?

Гена: - Сладкое.

Паша: - Сладкое - это хорошо, это со спиртом. Зато улетишь на старом дрожже

Гена: - Тебе лишь бы улететь.

Паша: - А вам благородные напитки подавай. Смотри, смотри, вот щаззз! Дельно говорит!

Гена: - Кому-то это - нам?

Паша: - Вам, коренным моквачам.

Гена: - Сам, будто, не москвич.

Паша: - Я в первом поколении, это ты голубая кость.

Гена: - Кровь.

Паша: - Что - кровь?

Гена: - Голубая.

Паша: - Нет, кровь красная у всех. Фашист ты нетолерантный.

Гена: - С чего бы?

Паша: - Да в кольце у тебя люди, а вся остальная страна - сплошные быдлы и таджики.

Гена: - Я не говорил, что это плохо.

Паша: - Ты там хоть был, так скать, за пределом кольца АДа?

Гена: - Не рассказывай мне. Я видел лица кассирш.

Паша: - Ты кассирш-то не трогай. Кто тебе будет пиво продавать? Кто - если не они?

Гена: - Даром они не нужны.

Паша: - Поэт. Стихи он пишет.

Гена: - Зато ты революционер у нас.

Паша: - Ты чем, стихами себя от массы отделяешь?

Гена: - Никак не отделяю. Мы на митинги сколько ходили? Ходили. И ничего.

Паша: - Ты чего хотел бы?

Гена: - Повестку поконкретнее.

Паша: - Конкретную повестку тебе военкомат пришлёт.

Гена: - Не пришлёт. Закрой свой ящик, ролик кончился.

Паша двигает ноут к себе обратно. На экране за сценой снова вид из окна кафе.

Паша: - Почему не пришлёт?

Гена: - Не важно.

Паша: - Что важно-то тогда, Гена.

Гена: - Важно - это безликость толпы.

Паша: - Брехня. У толпы лица и не может быть.

Гена: - Раньше-то было.

Паша: - Тогда это не толпа, а группа. Разницу чуешь?

Гена: - Ты девяносто первый вспомни. Вот это лицо так лицо.

Паша: - Чем тебе не нравится?

Гена: - Алкаш мне не нравится.

Паша: - Алкаш-не алкаш, а по Белому Дому шмалял.

Гена: - По Дому Советов.

Паша: - Не важно. В девяносто третьем только было.

Гена: - И тогда тоже.

Паша: - Тебя б в танк, ты б нашмалял. За чего боролись-то?

Гена: - За свободу слова.

Паша: - Вот когда они куршавелям отжигают - это свобода слова или свобода выражения?

Или когда тырят мультямами?

Гена: - Не привязывай Куршавель сюда. Вспомнил, тоже мне.

Паша: - Хочешь сказать, ты б не воровал.

Гена: - Нас там нет. Зато ты по митингам ходишь. Ты вообще что предлагаешь? Отнять и поделить? Денег не хватит.

Паша: - Не предлагаю. Я тебе факты. Про свободу слова твою. Вот тебе матные стихи писать запретили?

Гена: - Нет.

Паша: - Ну опубликовать это их нельзя?

Гена: - Я и не писал никогда.

Паша: - Начинается. Писал, писал. Факты, ощущаешь?

Гена: - Это не факты, а бред.

Паша: - Вон, японцы считают, что это мы Хиросиму нагасакнули. Так и написано в учебниках.

Гена: - Вот прям так и написано. Ты сам-то видел или читал опять в интернете?

Паша: - Это и есть свобода слова.

Гена: - Свобода слова - когда Пусси Риот не сидят.

Паша: - Уже не сидят.

Гена: - Окей, сидели. Сидели же? По выдуманным статьям каким-то.

Паша: - Не поверишь, я дело читал, есть такая статья, как выясняется. А сроки и побольше за это есть.

Гена: - Бред!

Паша: - Бред. Но в храме прыгать - тоже бред. Ну вот как в музее взять - в Третьяковке и концерт зафигачить. Круто же. Могли и на площади попрыгать. Или в мечеть пойти сразу тогда. Даже голодасть пуся твою толком не умеет.

Гена: - Не моя она. Что ж теперь, подыхать?

Паша: - Вон, в Ирландии, знаешь, как голодали политические.

Гена: - Ты кино смотрел, а я книжку читал.

Паша: - Эстет. Умный. Всё-то он читал.

Гена: - Мы сейчас в России.

Паша: - У немцев один активист тоже на срок в церкви напрыгал. Где выступления?

Гена: - Ты же меня на митинг тащишь - там и спроси. Я всё понять пытаюсь - только серьезно - ты зачем туда ходишь?

Паша: - Будто я один хожу.

Гена: - Ну хорошо. Мы. Мы зачем туда ходим?

Паша: - Хожу.

Гена: - Если ты в свободу слова не веришь, ответь - зачем? Ну на хера, а?

Паша: - Такого я не говорил.

Гена: - Блин, хоть записывай на диктофон.

Паша: - Да. Я не против. Запечатлевай. Для истории, так скать. Вообще я за демократию. Как в Римской империи.

Гена: - Та ещё демократия. Демос. Плебс какой-то.

Паша: - Это Лепс - какой-то. Которого в Штаты не пустили.

Гена: - Не отвлекайся. Задвигая про плебс.

Паша: - Дак вот. Были у них там такие патриции. Вроде аристократов, только не бедные, как ты, а элита и страной правят. И был плебс - вроде граждане, а прав - ноль. Только семки по коллизиям лузгают.

Гена: - Ты к современности, Паш, в историю не заглубляйся.

Паша: - И были ещё рабы. И вот пока плебс боролся за права, рабы жили очень плохо. Потом плебс права выборол. Дали их. А тут бац - и рабы из всех провинций с варварами. И кирдык демократии всей.

Гена: - У нас, между прочим, сто лет назад ещё рабы были.

Паша: - Ну, а в Америке до шестидесятых - сегрегация. И? Я не о том, ты погоди.

Гена: - Ты к свободе слова подходи. А то далеко убежал.

Паша: - Истоки демократии, бишь свободы слова, они такие относительные. И свобода сама - вещь относительная. Одному дали сказать, другому рот заткнули. А на митинг я иду, чтоб хоть плебса права заявить.

Гена: - Какой ты, Паша, к чертям за ногу, плебс? А патриции тогда - кто? Депутаты? Олигархи?

Паша: - Да. Куршавели и Челси.

Гена: - Привязался к Куршавелю.

Паша: - Потому что пока можем, надо ходить.

Гена: - И потом нас народ по логике твоей. Туда. Какой ты плебс? Ты там стоишь, слова глотаешь.

Паша: - Стою.

Гена: - Стоишь. Пришёл, стою, смотрю. Ясли какие-то.

Паша: - Не надо только.

Гена: - Чего не надо?

Паша: - Я хочу, чтоб взятки не брали. Чтоб закон такой жёсткий был.

Гена: - Законов много. Только не работают они. Кто виноват, знаешь? Помнишь, мы с тобой под стоп проехали?

Паша: - Он за стендом рекламным был. Я там езжу через день! Чё они вдруг поставили! Суки!

Гена: - Ты денег дал?

Паша: - Там не было раньше знака, ощущаешь?

Гена: - Дал?

Паша: - Ну, дал, что дальше?

Гена: - Вот.
Паша: - Меня прав могли лишить.
Гена: - Можно было скандалить, вызывать полицию, а ты денег дал.
Паша: - Извини, но у меня папы нет депутатах, чтобы ему звонить.
Гена: - Это гражданская ответственность.
Паша: - Кому бы я доказал? Никому, никогда, ничего.
Гена: - Вот поэтому так и получается. «Вышел постоять». Как на митинги ходить, это ты да.
Паша: - Как будто сам денег в жизни никому не давал.
Гена: - Как будто это я здесь кричу, что законы почему-то не работают. Потому и не работают.
Паша: - Делать что предлагаешь.
Гена: - Чаще в зеркало смотреть. Вот когда начнёшь морду брить каждый день и нарушать не будешь, сразу легче станет.
Паша: - Ты поэтому на митинг не пойдёшь?
Гена: - Не пойду я потому, что хреново мне. Домой поеду.
Паша: - В зеркало поедешь смотреть? Ну-ну.
Гена: - Надоела мне уже муть эта. От митингов преступности меньше не станет.
Паша: - Вот и проверим.
Гена: - Обнесём стеной бетонной Москву. И колючую проволоку, ага!
Паша: - Ты не утрируй. Китайцы вон, обносили. От набегających отделили.
Гена: - Мы уже лет двадцать назад проверили, отделили всех.
Паша: - Нужно результат закреплять.
Гена: - Крепит - это от орехов. Лозунги одни, что по телевизору, что на сборище твоём.
Паша: - Нормальные лозунги. Вечно тебя что-то не устраивает. Задрал ты. Сделай свой митинг. С блэкджеком и революционерками.
Гена: - Вот кого ты в правительство поставил бы?
Паша: - Честных людей.
Гена: - Ты где их возьмёшь? Чтоб воровали меньше, надо стрелять. Стрелять - это ага.
Паша: - Может и стрелять. Не знаю я. Как в Китае.
Гена: - Спасибо, не надо.
Паша: - Верь просто.
Гена: - В прекрасное далёёёёко?
Паша: - Хотя бы в светлое.
Гена: - Ты и верь, не запрещаю.

Внезапно гаснет свет. Свет идёт только от ноутбука Паши. Паша смотрел порно без звука. Ролик прерывается.

Гена: - Круто ты выбрал, где посидеть.
Паша: - Да включают щас. У меня вай-фай отрубился.
Гена: - Темно.
Паша: - Интим!

Официантка приносит свечи, ставит, эротично склоняясь в Пашину сторону, тот заглядывает в вырез. Официантка продолжает жевать жвачку.

Официантка: - Извините, электрики уже выехали
Гена: - Пойдём тогда?
Официантка: - Ой, я же рассчитать не могу и мне без чека нельзя.

Паша: - Посиди тогда с нами.

Официантка: - У меня там посуды куча. И свечи везде надо.

Гена: - Ладно, мы дождемся, девушка.

Официантка, виляя задом, расставляет свечи на остальные столики.

Паша: - Спугнул. Какая ты скотина всё-таки.

Гена:(напеваает) - Она жуёт свой орбит без сахара... Она не умеет считать без кассы...

Паша: - Клёвая девка, что ты прикопался. Погляди, какая жопа.

Гена: - Никакой, кстати, не интим. Как в церкви. Тебе лишь бы жопа.

Паша: - Ну у тебя и ассоциации. Библию ещё процитируй.

Гена: - Каждый, кто без греха, пусть кинет камень в неё.

Паша: - С детства думал: херня. Забили бы её. И его.

Гена: - Это притча.

Паша: - Вся эта концепция рая... Что там делать? Скука. Судный день? Сиди, жди, в носу ковыряй.

Гена: - В десяти заповедях что-то правильное есть.

Паша: - Зерно. Но вот с женой. Возжелал - и что? Я же не трахал её! А гордыня. Грех, видите ли. Гордыня - это прекрасно.

Гена: - Там не про то, Паш.

Паша: - В церкви сто лет не был. Зашёл тут - и? Ничего. Не чувствую я Бога. Нету.

Гена: - Сила там есть. Людей много, все верят, что это дом Бога.

Паша: - Сила, может, есть. Раньше я эту какую-то энергетику чуял, особенно мелкий.

Гена: - Я, знаешь, в Бога верю. В эту далёкую, безжалостную скотину. Когда новости читаю, сразу в Бога начинаю верить. Только какой-то он не очень христианский.

Паша: - Очень даже христианский. Вон, католики - то резали друг друга, то на нас ходили. Во имя его и именем его и во славу.

Гена: - И когда на попов смотрю - сразу понимаю, почему их крестьяне озверевшие стреляли. Не, не просто так Пушкин сказку свою написал.

Паша: - Инквизиция ещё.

Гена: - Инквизиция - это как было? Поймают крестьяне в деревне девушку красивую. Ведьма говорят. Вызывает священник инквизитора из города. Присылают его. Он на них смотрит - и куча крестьян, которые на эту «ведьму» уже все грехи повесили. Или он скажет, что ведьма или его тоже примут.

Паша: - Опять у тебя всё к быдлу свелось.

Гена: - Я про инквизицию.

Паша: - Простые, озверевшие - ты народ так видишь?

Гена: - Прекрати. Задолбал придираться. Без этой, давай, знаешь, без риторики.

Паша: - У тебя плохо всё. Не перестану. И буду. Буду-буду.

Гена: - К чему ты ведёшь, а? Считаю ли я, что у президента - электорат есть? Есть. Конечно.

Паша: - К этому и веду. Электорат против Ген-дартаньянцев.

Гена: - Продолжай, продолжай.

Паша: - Сказать тебе хочу, что безликая масса существует только в твоей голове. А люди - они разные. За президента, кстати, я тоже голосовал. Не за олигарха же.

Гена: - В воображении?

Паша: - Разрез неправильный.

Гена: - Можно я буду думать, как хочу? Спасибо, что разрешил, луноликий.

Паша: - Если рассматривать электорат, как безликую массу, то и на другой стороне неизбежно

- эта самая масса. Толпа.

Гена: - Твоя позиция вообще - кто раньше встал, тому и тапки.

Паша: - Так и получилось. Я бы не отказался тогда поучаствовать. А у тебя красные, да белые.

Гена: - Только не будем в войну гражданскую лезть.

Паша: - Я в качестве примера.

Гена: - Не было никакой войны.

Паша: - Белых не было? Или красных?

Гена: - Там резня была, а потом - интервенция цивилизованных стран. От поляков до англичан.

Паша: - Ленин у этих немцев брал на революцию.

Гена: - Вопрос, кстати и не факт. Важно, что не просто с броневиков вещал. Что временный совет сначала царя спихнул, а потом с февраля по октябрь ничего сделать не смог. И только картавый Ленин почему-то разобрался к двадцать второму с ситуацией.

Паша: - Я тебя понял. Вот Сталин...

Гена: - Только про Сталина не будем. Иначе подерёмся.

Гена оглядывается в зал.

Паша: - Ленин, кстати, тоже с собраний начинал. Не сразу же броневики.

Гена: - Главный вопрос, это что он говорил, а не где. Я же не против этого. Не против пидорасов всяких.

Паша: - Геев, так толерантно.

Гена: - Геи - это одно, пидорасы - другое, хотя не важно. Просто я на твой митинг приду - по левую руку - радуга - по правую - имперки. Что, что у них общего может быть. Какая повестка? Царь плохой?

Паша: - Эсеры с большевиками уживались как-то.

Гена: - Кто из них большевики и где там эсеры? У тех хоть точек прикосновения сколько-то, да было.

Паша: - Ты ещё спроси, что сам между ними на митинге делаешь.

Гена: - Я не Мичурин и синтеза у меня не получается.

Паша: - А иначе всё сводится к таким одиночным барным протестам. Сидим тут, как два дебила, с похмелья.

Гена: - А надо... надо...

Паша: - Как надо-то? Как ты считаешь? Скажи, полегчает.

Гена: - Как те же, может, бомбисты.

Паша: - С точки зрения государство бомбисты - это террористы.

Гена: - Всё равно. Они настоящие люди, а ты только на митинги ходишь.

Паша: - Ты даже этого не можешь сделать. Эти люди твои по площадям бомбы кидали. До революции ещё лет сто, наверное, прошло.

Гена: - Кидали. Иначе вообще бы ничего не было.

Паша: - Вон щас, на Донбассе, кидают.

Гена: - А ты за наших или за фашистов?

Паша: - Я как-то здесь, а они все - там.

Включается свет. Паша немедленно включает ноут. Гена вдумчиво задувает свечи.

Паша: - Делать-то что? Если под столом ногами не дрыгать?

Гена: - Если только заграница нам поможет. Как в девяносто первом.

Паша: - Поможет, поможет, у соседей та ещё помощь.

Гена: - Только когда в Египте они машины жгут - они революционеры, а когда в Париже машины жгут - уличная преступность.

Паша: - Масштабы разные. И весь цимес - есть у власти яйца или нет.

Гена: - Власть вообще ни при чём.

Паша: - В каком смысле.

Гена: - Не в ней дело.

Паша: - Скажешь так скажешь.

Гена: - Сейчас всё СМИ решают. Есть контроль над СМИ - преступность. Нет - революционеры. В Европах вон, и свои и чужие в кармане.

Паша: - Всё равно же контроль. Власти контроль.

Гена: - При большом желании можно хоть из Брейвика икону сделать. Саддам сидел на троне, пока был нужен. И Мубарак.

Паша: - Не боготвори СМИ-то. Они просто ещё один элемент.

Гена: - Не, Паш, к власти они имеют относительное отношение. И стоят за ними те или иные группы.

Паша: - Вот это уже конспирология. От таких заявлений прямая дорога к рептилоидам.

Гена: - А меня в упрощениях обвинял.

Паша: - До бесконечно усложнять тоже не надо. С точки зрения власти «мирный демонстрант» с коктейлем Молотова - всегда террорист.

Гена: - Субъективно.

Паша: - Объективное будто бывает. Сноуден с позиции америкосов - враг и преступник. А нам - друг. Герой.

Гена: - Его представили миру, как героя.

Паша: - Значит, он нужен такой. И им и нам. Что, в самом деле сам украл? Когда-то они и Кенеди того, но проблема, а уж Сноудена...

Гена: - Штатам в твоей версии скандал с прослушкой Меркель выгоден?

Паша: - Уж как картинно она возмущалась! Да я готов сказать, что она сама, сама эту хрень по своему офису небось расставляла.

Гена: - Так и представляю себе президента Германии, мотыльком порхающего по кабинету. Американцам-то зачем оно?

Паша: - Есть там у них две или три группы... АНБ, ЦРУ... Какой-то нужно.

Гена: - И это я конспиролог?

Паша: - Спорят они, кто там больше бюджет получит... Кто кого больше подставит, тому и дадут. И они потом годами хрень разрабатывают, лазеры боевые и бухают миллиарды. Напилить полтора десятка триллионов - это уметь надо. Это тебе не наши.

Гена: - Наши - молодцы?

Паша: - У нас столько денег и нет, вот и на мелочёвке живутся.

Гена: - А если безотносительно арабов, американцев, германий?

Паша: - Хорошо. Давай про наших. Гиляровский про бомбистов, помню, писал. АД у них там была такая группа.

Гена: - Тогда много их было.

Паша: - А эти царя хотели взорвать. Борзые ребята. Хоть и звери - уважуха им.

Гена: - Ты как про братву.

Паша: - Братва и есть.

Гена: - Царя другие взорвали в итоге.

Паша: - Ады эти, кстати, вполне себе интеллигенция были. Огонь у них был.

Гена: - Нутро горело?

Паша: - Я, конечно, не о высоком. Вояки, короче, боевые, психи. В положительном ключе.

Гена: - Психи у него в положительном ключе.

Паша: - Забыл, как называется. Гумилёв писал.

Гена: - Николай?

Паша: - Тьфу, нет. Лев. Пассионарии, во!

Гена: - Ахматовой сын?

Паша: - Хорошо, что на детях природа не всегда отдыхает.

Гена: - Как на Феде?

Паша: - Федя что? Пусть снимает. Уве Болл вон, научился. И Федя растёт.

Гена: - Сомневаюсь.

Паша: - В кино всё равно одна жопа в разных разрезах. Не смотрю даже.

Гена: - Иногда полезно.

Паша: - Кому полезно, кому как. И голливудское не смотрю. Невозможно.

Гена: - Ходил недавно ж.

Паша: - С девочкой. Почмокать. Потрогать.

Гена: - Без подробностей.

Паша: - Фильм - говно полное.

Гена: - Знаток выискался.

Паша: - Извини, но побольше твоего понимаю. Нам надо госфинанс убирать.

Гена: - Тогда вообще не будет. Ничего. Никакого кино.

Паша: - Лучше никакого, чем такое. И, может, не насовсем кирдык.

Гена: - А вдруг совсем?

Паша: - Значит, судьба. Нужно эту, французскую систему вводить. Преференции там. И прочее. Отчисления. Квоты.

Гена: - Один фиг работать не будет.

Паша: - Хрен с ним, короче, с кино. Я про пассиорнаность вообще. Ребята эти молодцы.

Кидали. Вроде и не правы, а вроде и молодцы. Психи. А ты на площадь постоять выйти не можешь. Килька в томате.

Гена: - Ты тоже бомбы-то не кидаешь.

Паша: - Я против этого. Время другое. Вышел - считай поступок. Считай, кинул.

Гена: - Зигу кинь и поскачи. Палку он кинул. Официантке.

Паша: - Пока - не кинул. Или вот декабристы!

Гена: - Декабристы не кидали. Бомбы.

Паша: - Достоевского, кстати, чуть не расстреляли.

Гена: - Он в «Идиоте» про это пишет. Пойми, Паш, у декабристов была одна главная вещь - идея. И за эту идею они были готовы умирать. И у АДа этого идея была. И у всех бомбистов. Когда есть, за что умирать, есть и за что жить. Вот революционерка эта твоя...

Паша: - Я поржать включил.

Гена: - Она верит в то, что говорит. Всерьёз верит. И это самое необходимое. Тебе кругом - только поржать.

Паша: - Вопрос в том, во что верить.

Гена: - Зато мы тут сидим, как два сытых бургера и рассуждаем. А на Донбассе сейчас люди умирают. За идею. Знаешь, я пойду. На митинг пойду, а ты сиди.

Паша: - В ОМОН асфальтом кидать за идею твою пойдёшь?

Гена: - Может.

Паша: - Езжай сразу на Донбасс, раз такой умный!

Гена: - И поеду, может! Только сначала на митинг схожу! На сцену залезу и по морде дам

кому-нибудь!

Гена резко встаёт, схватив сумку, забывая перчатки, хватая курточку с вешалки, уходит, роняя деньги со стола на пол.

Паша:(кричит ему в спину) - А я помирать не готов ни за какую идею! Я жить люблю!

Паша полминуты сидит молча. Затем поворачивает к себе ноутбук.

Паша: - По морде он. Да его там... Пять минут. Идеальный, твою мать. Придурок. Перчатки забыл. Ладно, отдам. Потом. Правда что ли вторые есть? Революционер сраный. Идея. Умирать. На Донбасс он поедет. Какая идея? Ахинея! Куда там? Вай-фай тут говно, конечно. Центр Москвы, сеть никакая. Нет. Точно. Ёту надо брать. Или триджи хотя бы. Давно пора. Сейчас, наверное, везде хорошо ловит.

Подходит официантка. Кладёт счёт в кожанном «кармане».

Официантка: - Я рассчитала. У меня конец смены просто.(с намёком) Через десять минут заканчиваю.

Паша: - Сейчас. Подождите.

Паша заглядывает в счёт.

Паша: - Блин.

Замечает оставленные Генной две купюры, упавшие на пол.

Паша: - Фуф.

Поднимает, добавляет сотню из пальто, вкладывает деньги в «карман». Разглядывает какой-то флаер, найденный в пальто. Официантка возвращается.

Официантка:(указывает на недопитую кружку Гены) - Можно?

Паша: - Конечно.

Паша переливает остатки из своей бутылки в Генину кружку. Пододвигает к себе кружку. Замечает подстаканник с номером официантки. Скручивает в трубочку и пропихивает в бутылочное горло.

Паша: - Забирайте.

Оторопевшая официантка уходит с бутылкой в руках. Паша остаётся за столом перед кружкой и ноутбуком. Трёт ладони.

Паша: - Правда мёрзнут. (натягивает Генины перчатки.) Другое дело!

Паша залпом допивает пиво из кружки.

Вдруг вскакивает на ноги, хватает тяжёлую кружку, размахивается и кидает в зрительный зал. Звон разбитой витрины. Паша, схватив ноутбук, пальто и рюкзак, убегает со сцены.

КОНЕЦ